

Возможно, из-за любви к матери Цзай И действительно тепло относился к Юйци — этой оставшейся без матери девочке. Он не только забрал её в свою резиденцию, но и позволил официально признать матушку.

Однако приемная дочь всё же отличалась от родной.

Для маньчжуров, всегда гордившихся чистотой своей крови, появление Юйци, потомка от смешанного брака, было крайне неприятным. Ведь она оскверняла благородную маньчжурскую кровь, так как в её жилах всё ещё текла примесь ханьской крови.

Поэтому, хотя Цзай И всегда относился к Юйци весьма тепло, в Резиденция князя Дуаня она всё же ощущала незримую дискриминацию и давление. Эта невидимая сеть тянулась не только от членов княжеского рода, но исходила даже от слуг и челяди.

Пожалуй, чтобы прорвать эту паутину, первым делом Юйци должна была покинуть то угнетающее человеческую природу княжеское поместье.

— Ладно, раз уж хочешь увязаться за мной, так просто следуй следом! Только потом, когда придется терпеть лишения и тяготы, не вини никого, — глядя на восторженное лицо девочки, Лэй Чжэнь долго молчал, прежде чем наконец тяжело вздохнуть и дать согласие.

Какими бы ни были глубокими обиды между маньчжурами и ханьцами, для настоящего мужчины смотреть во все глаза на то, как твою страну и твоих соотечественников грабят и истребляют иностранцы — каково это было бы терпеть? Если бы Юйци действительно вернулась туда, она вряд ли смогла бы избежать жестокой расправы со стороны заморских дьяволов. Уж лучше было взять её с собой в дорогу, так оно надежнее.

Тем более что Лэй Чжэнь сейчас сам состоял в рядах цинской армии, а долг военного прежде всего — защищать свой дом и спасать Отечество.

В этот момент Лэй Чжэнь и сам мысленно задал себе вопрос.

Зачем ты сюда вернулся?

Вернулся ли ты ради комфортной жизни, чтобы завести себе третью и четвертую наложниц и жить богатым землевладельцем, или же, подобно прозябающим в эту эпоху соотечественникам, стать больным человеком Восточной Азии, на которого пальцем показывают и бранят иностранцы?

Нет, я, Лэй Чжэнь, не позволю иностранным дьяволам порочить наших сестер — будь она ханькой, маньчжуркой или представительницей любого другого народа.

— Не бойся, я не буду вам в тягость, — нахмутив изящный носик, с недовольным фырканьем

ответила Юйци, но в её голосе всё же сквозили нотки возбуждения и ожидания.

Князь Цзай И придерживался консервативных взглядов и всей душой желал восстановления старых порядков, наотрез отвергая любые западные новшества. Поэтому неудивительно, что Юйци, дожив до шестнадцати-семнадцати лет, оставалась абсолютно невежественной по отношению к внешнему миру, особенно к положению дел на Западе. Хотя в Резиденция князя Дуаня и нанимали учителей для обучения принцесс, преподавали они лишь всякий устаревший вздор вроде конфуцианских постулатов о долге и послушании. Теперь военный хаос разрушил эту хрупкую тишину. Меньше чем за полдня Юйци внезапно соприкоснулась с миром, совершенно не похожим на всё то, что она знала за свои шестнадцать лет, и это вызывало у нее одновременно растерянность и возбуждение. К тому же, когда Лэй Чжэнь только что соскочил с лошади, на сердце у Юйци вдруг стало пусто и тоскливо.

Всю дорогу тесно прижимаясь к Лэй Чжэню и ощущая мощное биение сердца этого мужчины-разбойника за своей спиной, Юйци чувствовала, что от близости с ним она словно плавится.

Что со мной такое?

Этот наглец, который меня обесчестил, — о чем я вообще о нем думаю!

На самом деле Юйци следовало бы радоваться своему решению, ведь ей посчастливилось избежать бедствия — резни, учиненной Альянсом восьми держав в осажденном городе.

Возможно, начиная с этого дня ее будущее кардинально изменится по сравнению с прошлым.

— Эй, чего ты тут сидишь и глупо ухмыляешься, пуская слюнки? Неужели думаешь о том, сколько серебряных монет тебе достанется после возвращения, чтобы жениться на какой-нибудь девке?

— Одной жены разве хватит? Я женюсь на трех, нет, на четырех! Пять — тоже неплохо!

— А не боишься, что кишка тонка окажется?

Несколько бойцов весело переговаривались, сидя на телеге, лица каждого из них сияли радостью. Все они видели огромную добычу, захваченную в ходе этой операции, и даже если им достанется лишь малая ее часть, этого с лихвой хватит, чтобы безбедно прожить остаток жизни.

— Эх, салаги вы еще в том, что касается женщин! Ха, разве вы не заметили? Наш наставник, сгоняв в резиденцию князя, попутно прихватил оттуда особую гостью — княжну, которая лицом краше любого цветка.

Сун Чжаньбао широко ухмыльнулся и презрительно бросил это тем парням.

После этой операции он проникся к Лэй Чжэню безграничным уважением. По сравнению с Не Шичэном, чьим умам была свойственна слепая верность маньчжурской династии, такие вольные герои, как Сун Чжаньбяо, обладали куда большим благородным рыцарским духом по принципу: муж готов умереть за того, кто по-настоящему понимает его. Делить золото равными долями да есть мясо из больших чаш — эти простые идеи о равенстве и братстве лихих удалцов уже прочно засели в их головах, и теперь в глазах Сун Чжаньбяо Лэй Чжэнь был не кем иной, как самим Сун Гуймином из Ляншаньбо.

Дальнейший путь прошел молча. Циньские войска, несшие стражу вдоль линии Великой стены, прежде подчинялись Сун Цзину из состава Предиваевой армии. Во время битвы при Тяньцзине армия Сун Цзина понесла тяжелейшие потери, а сам он был отстранен цинским двором от должности за неуспехи в боях. Из-за этого территория к северу от города Пекин превратилась в абсолютно пустую, никем не охраняемую зону. Конный отряд вернулся в Кайпин уже 19 августа. К тому времени сюда дошли слухи о том, что чужеземцы в городе Пекин предаются безумным грабежам, убийствам и поджогам. Услышав эту постыдную и оскорбительную для каждого китайца весть, все офицеры и солдаты воспылали праведным гневом, а несколько горячих голов при первой же встрече с Лэй Чжэнем стали настойчиво просить позволения возглавить отряд и пойти войной на иностранцев.

По сравнению с импульсивными солдатами, Дун Фухэ и Чжоу Сюэси, несомненно, проявили куда больше рассудительности. С радостью приняв смену из добрых нескольких телег с серебряными слитками, оба тут же заперлись в собственном кабинете и с головой ушли в планирование того, как распорядиться этой баснословной суммой.

Чжоу Сюэси задумывался о том, чтобы по истечении срока контракта прекратить практику торгов за право управления и вложить огромные средства в самостоятельную разработку пяти главных угольных пластов Кайлань. Это позволило бы ему обрести весомый аргумент на переговорах с купцами с юга, поднять цены на уголь и извлечь еще большую выгоду.

Замыслы же Дун Фухэ оказались еще более масштабными. После того как Альянс восьми держав захватил Тяньцзинь, чтобы правительство Цин не могло использовать оборудование и кадры арсенала для производства ружей и пушек, захватчики отдали приказ полностью разрушить и Восточный, и Западный Бэйянские оружейные заводы. Это привело в неизъяснимое отчаяние Дун Фухэ и других мастеров, видевших, как создавался арсенал. Теперь же, заполучив средства, он вознамерился возродить дело из пепла.

Имея на руках серебро, любое дело удавалось сдвинуть с мертвой точки вдвое быстрее при тех же усилиях, и сотрудники всех отделов трудились с огромным энтузиазмом.

Вечером 20 августа в посёлке Кайпин в здании Горнодобывающего управления ярко горел свет — угля для выработки энергии было вдоволь, поэтому понятия об экономии электричества у работников управления практически не существовало.

В кабинете Лэй Чжэня.

Собралось множество участников, атмосфера царила весьма оживленная: официально открылось собрание по дележу добычи, добытой во время масштабной вылазки с грабежом в столице.

Первым поднялся и взял слово Сун Чжаньбяо по прозвищу Бородач Сун. После поездки в столицу весь его облик, дух, стать и внутренний настрой разительно отличались от прежних.

До того как побывать в императорском парке Ихэюань и увидеть величественную Резиденцию князя Дуаня, такой вояка, как Сун Чжаньбяо, поднявшийся до чина гуаньдай исключительно за счет отчаянной личной смелости, воспринимал понятие императорского величия как нечто далекое и таинственное, а редкие крупницы благоговейного страха перед ним перенимал лишь косвенно от вышестоящих командиров.

Но теперь он воочию всё увидел. Каково это — место, где живет император, и как выглядят прислуживающие ему евнухи и дворцовые служанки. И по мере того как удовлетворялось его любопытство, в его сердце капля за каплей зарождались бунтарские мысли.

С какой стати? Все люди, у всех есть матери и отцы, почему мы должны проливать кровь и пот, пока вы, знать и вельможи, вкушаете деликатесы, облачаетесь в шелка и парчу, да еще окружены толпой слуг? Разве это, черт побери, справедливо?

Впрочем, разве один лишь Сун Чжаньбяо предавался подобным размышлениям? Сердца других бойцов, участвовавших в этой операции, волновались точно так же.

Именно в ходе таких незаметных перемен слепая вера в преданность монарху постепенно угасала, а идеи свободы, самостоятельности, самоусиления и демократии начали потихоньку пускать корни и давать ростки.

— Эй, по мне так, раз уж зашла речь о награждении за заслуги, наибольший вклад внес наш Особый отряд, — громогласно заявил Сун Чжаньбяо. — Человек я здесь старый, и нынче, по поручению всех братьев, скажу без ложной скромности: вознаграждение на сей раз урезать никак нельзя, и затягивать с выплатой тоже! Причину все знают: мы, братья, уже больше года не получаем жалованья, а многие холостяки только и надеются раздобыть серебра, чтобы вернуться домой и наконец жениться!

Громко выкрикнул Сун Чжаньбяо. Теперь он официально носил звание командира Особого отряда, и под его началом находилась столь отборная армия, так что уверенности в собственных силах ему было не занимать.

— Пушкарь Сун, твоим парням нужно жениться, а моим рабочим — дожидаться покупки станков и запуска производства! Что важнее — выпускать ружья с патронами или справлять свадьбы?

Стоило зайти разговору о деньгах, как Дун Фухэ тут же проявил твердость. Хотя сейчас он

временно занимал должность помощника управляющего Кайпинским горнодобывающим управлением, в душе он не оставлял мысли заново отстроить Бэйянский оружейный завод. И его можно было понять: завод был для них, инженеров и рабочих, словно родное дитя. Его с таким трудом вырастили, а проклятые чужеземцы сожгли дотла — такую обиду стерпеть было решительно невозможно.

— Черт побери, что ты мелешь?! Знаешь ли ты, что многие наши братья в боях погибли, так и не узнавши, что за радость — женщина? Их жизнь на этом свете прошла впустую! Мне горько за них! — Сун Чжаньбяо уставился на Дун Фухэ налитыми кровью глазами, глядя на него как на заклятого врага. В этот момент он выступал не от своего лица — он озвучил общий крик души всех солдат и офицеров.

Услышав слова Сун Чжаньбяо, даже Дун Фухэ опустил голову. Там, за стенами Тяньцзиня, в Балитае, погибли сотни и тысячи цинских воинов под пушками и ружейными залпами заморских дьяволов. Многим из них едва стукнуло по двадцать лет, и они даже не представляли, каково это — делить ложе с женщиной. Ну что, старина Сун, не переживай, о доле воинов я помню и в обиду их не дам. Смотри, у меня тут есть ведомость на выдачу жалования: отныне жалование братьям из отряда действия и охранного отряда будет выплачиваться централизованно из средств рудника. Как тебе такой план? — Лэй Чжэнь подозвал покрасневшего глазами Сун Чжаньбяо и протянул ему длинный список с именами.

Среди имён значились Лю Сан, Ши Эрдань, Ван Лаосы и даже некто по прозвищу Нью Дадань. Все они были солдатами из отряда Не Шичэн, которые пришли в Кайпин вместе с Лэй Чжэнем. Многие из них были неграмотны, и писари при зачислении в армию заполняли графы с именами как попало. Но каждый из них был настоящим мужиком, достойным сыном Китая, вставшим на защиту против иноземных захватчиков.

Они заслужили это жалованье — хотя бы за те восемь дней и восемь ночей кровавых боев под стенами Тяньцзиня.

Мать честна, нам больше не придется переживать из-за задержек жалованья! Просто великолепно, я немедленно пойду обрадовать ребят! — Сун Чжаньбяо всмотрелся в длинный список, где его собственное имя стояло на самом первом месте, и еще долго не мог поверить, что это наяву.

Наконец Сун Чжаньбяо восторженно взревел и со всех ног вылетел из кабинета, продолжая кричать прямо на ходу.

Надо же, и у Пушкиного Суна бывает такое помрачение рассудка! — проводя взглядом исчезающую фигуру Сун Чжаньбяо, Чжоу Сюэси и Дун Фухэ переглянулись с понимающими улыбками.

В вопросе умирения этого грубияна Сун Чжаньбяо их позиции полностью совпадали, да и сама идея выдавать солдатам жалованье под видом охранного отряда рудника родилась тоже у них двоих.

Эту затею Лэй Чжэнь поддержал обеими руками. При нынешнем положении дел рассчитывать на то, что императорский двор станет выплачивать жалование их вооруженному сброду, было чистой воды безумием. И дело не только в них: вряд ли в ближайшее время хотя бы один цянй из казны дойдет до тех более чем десяти тысяч солдат Предивой армии Увэй, что стояли в военном лагере Лутай.

И дело тут было вовсе не в том, что Цыси снова вздумалось потратить деньги на постройку какой-нибудь новой дачи — просто у нее банально не осталось средств. Министерство финансов и все состоятельные ведомства в городе Пекин подверглись такому разграблению со стороны Альянса восьми держав, что серебро давным-давно с звоном погрузили на военные корабли. Теперь от великой империи Цин остался лишь пустой каркас, не считая голой земли.

Стоило решить вопрос с жалованием для отряда Сун Чжаньбяо, как фокус обсуждения тут же сместился на скрытое соперничество между Чжоу Сюэси и Дун Фухэ.

С чего начать: с возвращения прав на аренду и расширения угольных копей или же с восстановления Оружейного завода? Чжоу и Дун стояли на своем, ожесточенно споря друг с другом.

Лэй Чжэнь, выступавший в роли главного судьи, теперь и сам ломал голову.

Угольные копи служили основой существования их бродячего вооруженного формирования. Без угля с Кайланьских угольных копей они мгновенно окажутся перед лицом кризиса, когда в котле не останется ни зернышка. Тогда не то что о развитии — о поддержании этой крошечной силы нечего будет и мечтать. Следовательно, лишь взяв управление рудником в собственные руки и полностью контролируя все звенья добычи, транспортировки и сбыта, можно было занять сильную позицию на переговорах с покупателями и извлечь максимум выгоды. Именно в этом и заключался первоначальный замысел Лэй Чжэня, когда он захватил Кайланьские угольные копи.

Однако на данном этапе восстановление Оружейного завода тоже не терпело отлагательств — стрела уже была наложена на тетиву, и спустить ее приходилось во что бы то ни стало.

Если у бродячего формирования нет собственной возможности производить ружья и пушки, его развитие неизбежно окажется в зависимости от внешних сил. Будь у тебя хоть сколько-нибудь денег, если другие не станут продавать тебе патроны и оружие, весь твой капитал превратится в иллюзию, в отражение луны на воде. Именно осознав это, интервенты без малейших колебаний сожгли Северный оружейный завод дотла.

Народ, поднявшийся на ноги за счет покупки чужих ружей и пушек, не заслуживает ни опаски, ни страха, ибо такие люди вечно плетутся в хвосте за остальными и никогда не обзаведутся собственным секретным оружием.

Это непреложная истина на все времена.

Трудно быть скрягой.

Когда в кармане ни гроша, ты свободен как ветер, и к кому не протяни руку — всюду одна сплошная забота.

А стоило разбогатеть — и, надо же, забот меньше не стало.

Серебро, доставленное из Министерства финансов, заняло целых восемь больших повозок, доверху набивших одиннадцать гробов, а вдобавок ко всему имелись еще и погруженные ящики. С какой стороны ни посмотри, Лэй Чжэнь на этот раз сорвал огромный куш.

Но если посчитать реальные нужды, средств все равно не хватало на всех.

После вычета доли для Сун Чжаньбяо и его солдат остаток нельзя было в один присест спустить в пасти двух ненасытных чудовищ: угольных копей и восстановления Оружейного завода.

Единственно верной стратегией было действовать постепенно, ведя хозяйство с расчетливой бережливостью.

— Цзичжи, как думаешь, нельзя ли отложить реконструкцию шахт до тех пор, пока Фухэ не закупит все необходимое оборудование, и только потом вернуться к этому вопросу?

Внимательно листая толстый годовой план развития угольных копей, который Чжоу Сюэси положил на стол, Лэй Чжэнь не скрывал искреннего восхищения этим титаном Севера. Всякое ремесло требует мастерства, и глядя на безупречный, казалось бы, план Чжоу Сюэси, Лэй Чжэнь думал лишь об одном — приступить к его реализации немедленно.

Чжоу Сюэси указал в плане: из-за ненадежного крепления прежней крепи в выработках, а также из-за хищнической добычи частных арендаторов, на многих шахтах Кайланьских угольных копей возникла угроза обрушения. Ради безопасности он предлагал поочередно проверить круглые деревянные стойки в шахтах и полностью заменить все расшатавшиеся и сгнившие бревна. К тому же, раз уж затевалось расширение, в новых выработках тоже требовалось укрепление свежим лесом — только на эти работы ушло бы около семидесяти тысяч лянов серебра.

— Ни в коем случае, это касается как темпов добычи угля, так и жизней шахтеров. Поймите, если случится авария, наши убытки будут колоссальными, к тому же мы с большой вероятностью сорвем сроки поставки по контракту, а за это, как вы знаете, придется выплатить огромную неустойку, — твердо покачав головой, возразил Чжоу Сюэси.

По сравнению с жизнями шахтеров объемы добычи угля явно ценились им выше. Это легко понять: в стране с самым многочисленным населением в мире единственным ресурсом,

которого никогда не было в дефиците, являлась человеческая сила. Спустя сотню лет ситуация останется ровно такой же — разве не ходит шутка о том, что число шахтных аварий в Китае бьет все мировые рекорды?

— Хм, в своем плане вы пишете, что для замены планируется использовать прочный брус высокой твердости. Хотя это и позволит предотвратить обвалы, но одновременно может сделать шахты более пожароопасными. Вам ведь известно, что концентрация рудничного газа под землей порой бывает очень высока, и стоит появиться малейшей искре, как вспыхнет страшный пожар...

Хотя Лэй Чжэнь не слишком разбирался в угледобыче, черпая сведения из воспоминаний о новостях про различные шахтные катастрофы, у него все же появилась уверенность для предметного разговора с Чжоу Сюэси.

— Именно поэтому использование бруса не способно полностью исключить горные аварии. Возможно, со временем у нас появится какой-то другой, более совершенный материал на замену дереву. Будем надеяться, что ждать придется недолго.

Лэй Чжэнь задумчиво произнес это, зная по собственному опыту: в ходе дальнейшего технического прогресса гидравлическая сталь постепенно вытеснит дерево в качестве главного каркаса шахтных крепей. Правда, это возможно лишь при условии всеобщего распространения стали, тогда как в Китае применение стали только зарождалось, и до ее полного внедрения предстояло пройти еще долгий путь.

Чтобы заполучить сталь, необходимо сперва построить собственный металлургический комбинат. На Северном оружейном заводе раньше имелись сталелитейные мощности, но теперь они превратились в груды развалин, а для их восстановления помимо технологий и рабочих потребовались бы огромные финансовые вливания.

Лэй Чжэнь внезапно понял, что зашел в тупик.

Без денег было куда проще: оставался гол как сокол, и перед любыми просителями держал один ответ: нету. Теперь же, когда завелось кое-какое состояние, расходы на угольные копи, Оружейный завод, армейское жалование и прочее хлынули потоком из открытого крана — открыть его легко, а вот перекрыть окажется делом невероятно трудным.

Как быть?

Согласиться на всё, разумеется, было нельзя. Долго ломая голову над этой задачей, Лэй Чжэнь наконец отыскал компромиссный вариант: предложенный Чжоу Сюэси план всесторонней проверки и замены деревянных крепей на прочный брус нужно выполнить, но часть материалов в нем допускалось заменить более дешевыми аналогами. Иного выхода не оставалось. Твердый брус стоил дорого, так что его можно было заменить обыкновенным ясенем с гор Яньшань. Подобных деревьев на севере росло в изобилии, а вырубка на месте и дешевая доставка не требовали больших затрат.

Конечно, по сравнению с твердой древесиной прочность такой крепи оказалась бы намного ниже. В сырости подземных выработок тополь всего за несколько лет размягчился бы от воды и сгнил.

Кто станет хозяином этих Кайланьских угольных копей через несколько лет? Неужели он сам, Лэй Чжэнь?

Разумеется, нет. Обладая трезвым представлением о собственных силах, он вовсе не тешил себя подобными иллюзиями. Сейчас он попросту закрепился здесь, воспользовавшись смутным временем наступления Альянса восьми держав на Пекин и Тяньцзинь. Как только война завершится, внимание как цинского правительства, так и иностранных держателей переключится на экономику.

И тогда на столь лакомый кусок, как Кайланьские угольные копи, найдется немало крупных фигур. Лэй Чжэнь не заблуждался насчет своей способности и дальше удерживать рудник силой, сравнивая себя с теми влиятельными персонами, чей топот ног заставлял содрогаться пол-Китая.

Поэтому, выступая лишь в роли временного управляющего, он располагал лишь краткой отсрочкой, а в дальнейшем всё здешнее хозяйство отойдет к другим владельцам.

Исходя из этой предпосылки, замена прочного бруса на тополь не таила в себе ничего страшного — принимая подобное решение, Лэй Чжэнь молча успокаивал себя этими мыслями.

И в то же время его точили смутные приступы тревоги: если в будущем из-за сгнивших тополиных креп произойдет прорыв воды, жизни шахтеров окажутся вне всякого сомнения под смертельной угрозой. Хотя вину за это возложат вовсе не на него, сможет ли он тогда обрести душевный покой?

<http://bllate.org/book/21116/2142724>